

СИСТЕМНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

И.Л. Васильева

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

Системное проектирование, становясь важнейшей особенностью современной науки, представляет собой сложноструктурированное образование и претерпевает существенную эволюцию в его содержании, направленности и структуре.

Долгое время проектирование обозначало предварительную работу по созданию новых объектов искусственной среды и применялось только к техническим системам. Такое проектирование называют системотехническим, или частным. Под частным проектированием принято понимать проектирование части целого без учета свойств целого. Оно основывается на системотехнической деятельности, которая осуществляется различными группами специалистов, занимающихся разработкой отдельных подсистем.

Системотехническое проектирование оформилось к концу 50-х годов XX в., но вскоре столкнулось с существенными затруднениями, связанными с необходимостью включения человека в проектируемую среду. Объектом системотехнического проектирования является проточная система, которая имеет полюса входа и выхода и включает в себя преобразователь и протекающую через него субстанцию (вещество, энергию и информацию). Но если в состав системы должны входить все образования, имеющие отношение к реализации цели, то и человек должен рассматриваться как часть системы. Однако в практике проектирования человек рассматривался как элемент среды системы, приравнивался к машинному элементу. Характеристики человека рассматривались по аналогии со свойствами машины. При проектировании имелись в виду такие факторы, как, например, зрение, слух, осязание, усталость. Но, по сути дела, учитывался только эргономический аспект комплекса «человек – машина». Частное проектирование основывалось на доминировании технократической парадигмы, для которой характерна экстраполяция идеалов и норм рациональной инженерной деятельности на социальные и гуманитарные сферы и прежде всего на человека. Технократизм по отношению к человеку проявлялся в том, что: 1) человек рассматривался лишь как объект конструктивного воздействия, его субъективность элиминировалась; 2) человек выступал только средством решения проблем, но не целью; 3) его материальные потребности имели абсолютный приоритет перед духовными ценностями и выступали критерием общественного прогресса; 4) человек рассматривался только как функциональный элемент в структуре деятельности.

Затруднения частного проектирования были в определенной степени преодолены на следующем этапе развития проектирования путем смены типа объекта проектирования. Вероятно, такое проектирование может быть названо антропным, так как в нем было осознано влияние факта многофункциональности человека на принятие проекторочного решения. Во-первых, человек является рефлексивным элементом системы. Система может быть отображена в сознании человека вместе с самим человеком и характер этого отображения влияет на его функционирование в системе. Во-вторых, цель системы тоже является содержанием сознания человека. Функционирование человека в системе представляет собой деятельность, которая при его включении в систему становится рефлексивной. Объект проектирования меняется, вместо машин проектируются системы «человек – машина» (в системотехнической литературе также говорится о том, что объектом проектирования является система «человек – машина», но в этом случае, как отмечалось выше, имеются в виду лишь эргономические параметры системы). Результаты проектирования, помимо того, что они должны

соответствовать техническим и экономическим потребностям, должны соответствовать также моральным возможностям людей. При проектировании сложных систем необходимо учитывать, что человечество является субъектом дальнейшего процесса эволюции (П.Тейяр де Шарден), геологической силой (В.И. Вернадский) и оно имеет возможность влиять на изменяющийся облик мира.

Недостатком как частного, так и антропоного проектирования было невнимание к среде, в которую планировалось поместить проектируемый объект. Такие системы создавались без учета всех возможных последствий их существования. Наиболее опасным результатом этих видов проектирования стала угроза экосфере. Эта опасность заставила обратить внимание на то, что экосферу необходимо рассматривать целостно и комплексно, в связи с чем артефакт (понимаемый как искусственный материальный комплекс, рассмотренный вместе с признаками его действия) стал важной проблемой системного проектирования, которое представляет собой проектирование части целого с точки зрения целого. Оценка данной ситуации на основе социально признанных критериев обязывает проектировщиков к передаче соответствующей информации другим соисполнителям, также ответственным за сохранение экосферы, т.е. необходимо определять все последствия, причиной которых может стать артефакт как новый компонент техносферы.

На появление и утверждение системного проектирования во многом повлияло освоение современной наукой объектов, обладающих синергетическими эффектами. Оказалось, что при изучении таких объектов применение традиционной стратегии противопоставления субъекта объекту некорректно, поскольку синергетические объекты исключают свободное экспериментирование. При обращении к системному проектированию «проектируется не техническое устройство, и даже не технические устройство плюс человек, а сложная система: техническое устройство – человек – экологическая среда, в которую внедряется технология и культурная среда, которая эту технологию принимает» [1, с.48].

Соотношение части и целого в каждом конкретном случае задается специально.

Системное проектирование в ходе своего становления сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, техническое проектирование в силу динамизма, разнообразия и сложности конструкций, богатого опыта формализации и развитости инструментария всегда было источником идей, методов и новейших технологий для других «отраслей» индустрии проектирования. Системное проектирование на сегодняшний день не имеет такой теоретической базы, как частное проектирование в виде классических технических дисциплин. Поэтому, зачастую «по инерции», переносят подходы, удачно апробированные по отношению к созданию технических систем, на системы совершенно иного рода. Существует соблазн опираться на теории частного проектирования при создании сложных социотехнических систем. Во-вторых, традиционно исследование по проекту начинается с формулирования главной цели, последовательно конкретизируя ее до выяснения дифференцированных средств и возможностей их реализации. Скажем, в прогнозировании научно-технического и социально-экономического развития все еще не преодолено стремление к полному микроописанию рассматриваемых объектов. Оно также является следствием преобладания исследовательских установок, сложившихся в техническом проектировании и экономическом краткосрочном планировании «от достигнутого».

В то же время полное микроописание больших систем, какими являются объекты системного проектирования, практически невозможно. Большие системы от технических отличает принципиальная «непрозрачность»: полное микроописание для них практически неосуществимо даже на вероятностном уровне. Для системного проектирования характерно построение различных сценариев поведения и развития объекта

при различных воздействиях на него, причем в каждой новой точке бифуркации предварительно просчитанные стратегии развития могут кардинально изменяться. Проектные системы становятся приоритетными объектами в современной науке. Проходя в своем развитии этапы частного, антропного, системного проектирования, проектируемые на сегодняшний день системы начинают приобретать социотехнический характер. Именно такое проектирование соответствует постнеклассическому этапу развития науки. Это позволяет говорить о том, что проектирование, действительно, приобретает когнитивно самостоятельный статус, хотя в то же время оно взаимосвязано с самой широкой областью современного естественнонаучного, технического, социального и гуманитарного знания: В социально-практическом аспекте отмеченный особый когнитивный статус системного проектирования наиболее тесно коррелирует с процессами исследования направленной трансформации основных параметров социального пространства. Без особых усилий можно зафиксировать, что результаты практической реализации проектных исследований влияют на социальное пространство, выстраивая и трансформируя его конфигурацию и структуру. Степень этого влияния определяется, прежде всего, наиболее интенсивно практикуемыми типами проектирования.

При доминировании системотехнического проектирования социальное пространство сводится к физическому, естественному пространству или подменяется им. Конечно, социальное пространство включает в себя физическое, базируется на нем, но не сводится к нему. Например, когда Э. Гидденс обсуждает достоинства разных пространственных зон, возникающих при личном общении, или особенности пространственно-временного зонирования в архитектурно-планировочном решении городов, то речь у него идет именно о физическом пространстве в рамках социума, но не о социальном. Аналогично системотехническое проектирование не выявляет специфику социального пространства, ограничиваясь представлениями о том, что выделяет параметры пространства, связанные с обществом.

Антропный этап проектирования коррелирует с подходом к социальному пространству П. Сорокина, который зафиксировал особенности социального пространства. Он отличал его от геометрического пространства и сводил его к народонаселению Земли, к системе социальных отношений индивидов, групп, популяций, составляющих его координаты. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве, в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И, наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (два руководителя фирмы), могут быть очень близки социально. Описав социальное пространство и его производные («геометрическая и социальная дистанция», «подъем в геометрическом и в социальном пространстве»), П. Сорокин социологически не прописал исходную ячейку социального пространства. Единственным термином, которым можно определить исходную ячейку социального пространства, выступает статус. Но он в качестве таковой у Сорокина не выступает. И вполне логично, так как статус он сводит к рангу, а не к социальной позиции. Образ социального пространства использован П. Сорокиным как вспомогательное средство для лучшего изображения стратификации. Социальное пространство Сорокина трехмерно – в соответствии с тремя осями координат стратификации: экономической, политической и профессиональной. Сама стратификация представляет собой разделение совокупности людей на классы и слои в иерархическом ранге. Хотя П. Сорокин оперировал в своих рассуждениях о стратификации трехмерным пространством, он допускал возможность для социологии также многомерного пространства. Более того, лишь оно, по мнению Сорокина, подходит для описания социального пространства. Он подчеркивал, что геометрическое и социальное пространства – две принципиально разные вещи. Следовательно, если

одно описывается эвклидовой топографией, то второе должно описываться какой-то другой, неэвклидовой. Но какой именно, он так и не указал. Много осей возникает у П. Сорокина от того, что каждая ось может изображать отдельную социальную группу, а их, как известно, огромное количество. Одновременно с многомерностью в социальное пространство приходит другой его признак, а именно разнокачественность осей [2].

Связи между подходами в системном проектировании, с одной стороны, и приемами анализа и конструирования социального пространства, с другой, можно найти и в концепции социального пространства, предложенной П. Бурдые. Социальным пространством он обозначает абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала. Социальное пространство может также восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструмент и цели борьбы в различных полях. Будучи реализованным физически, социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг. Распределения благ и услуг, соответствующих различным полям, накладываются друг на друга, следствием чего является концентрация наиболее дефицитных благ и услуг, а также их владельцев в определенных местах физического пространства, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим наиболее обездоленных. Причем места скопления дефицитных благ не могут рассматриваться иначе, как в соотношении с местами, лишенными этих благ [3].

Социальное пространство у П. Бурдые – это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Структуру социального пространства составляет "ансамбль" четырех "полей" – практик: экономической, социальной, культурной, политической, определяющих его многомерность и связанных "габитусом". Борьба за социальное пространство, за власть над ним сосредоточивается вокруг соответствующих четырех ресурсов как "капиталов": экономического, социального, культурного, политического. Структура социального пространства определяется при этом структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля.

Потребность в специфическом социально-пространственном обобщении социального бытия и механизмов его динамики наиболее полно выражается в концепции сетевого/информационного общества М. Кастельса. В ней общество, отождествляемое с социальной структурой, сводится к трем самым общим компонентам: пространству, времени, технологии [4]. Пространство нового общества построено на потоках капиталов, информации, технологий, организационных взаимодействий, образующих сеть. Пространство ресурсных потоков есть господствующая пространственная форма сетевого общества, которая надстраивается над физическим пространством мест.

Акцент на конституирование социального пространства предпринимается также в акторно-сетевой теории. (Дж. Ло, Б. Латур). Джон Ло рассматривает объекты социального пространства как производные сети отношений. Его основная идея состоит в том, что объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны, т.е. сущность объекта пространства остаётся неизменной до тех пор, пока он не утрачивает свою позицию в сети отношений с другими объектами и сохраняет целостность функциональных связей своих собственных элементов. Дж. Ло исследует разные формы пространственности: пространство «сетей», «потоков», «регионов» и отмечает, что конструирование пространственных объектов имеет

топологические следствия: создание объектов в одном пространстве влечёт за собой изменения в другом пространстве [5].

Такого рода модели социального пространства представляются достаточно продуктивными для его анализа, т.к. они показывают, что под воздействием различных факторов социальное пространство может быть трансформировано в определённом русле.

Список цитированных источников

1. Россия и Запад: Взаимодействие культур: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1992. – № 6.
2. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; под общ. ред., сост. и предисп. А.Ю. Сомогонова. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ – ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Ло, Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 31-42.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.П. Винокурова

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь

Культура является неотъемлемым ресурсом любого государства, выполняющего важнейшую функцию в развитии духовности народа. Именно поэтому так важно системно исследовать состояние и тенденции культурного развития общества. Для этого необходимо изучать современные проблемы. Но еще важнее не повторять в будущем ошибок прошлого, и с этой целью постоянно поддерживать и развивать диалог культур, направляя его на достижение высокого социального и духовного эффекта. Разносторонние отношения между Республикой Беларусь и другими странами носят важный стратегический характер и имеют глубокие исторические традиции. В отечественном культурном наследии аккумулирован многовековой духовный опыт и воплощены лучшие черты народов, населяющих Беларусь, которая территориально находится в самом сердце огромного региона, именуемого Центральной Евразией, границы которого распространяются от Западной Европы до степей Монголии. Может быть, географическое местоположение, так же как и вся история многонациональной страны, является основанием того, что в Беларуси никого не надо убеждать в важности межнационального диалога, уважения обычаев, ценностей и культур других народов. Определение "толерантные белорусы" стало устойчивым выражением, обозначающим национальную черту граждан Беларуси.

Сегодня Беларусь – одна из таких стран, которые могут гордиться не только уровнем, но и качеством образования, а также представительным высокоразвитым сектором науки. Это сформировало и соответствующую культурную среду. Не случайно считается, что «белорусская культура представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию; чувствованию, толерантности, проникновенности, вслушиванию в мир...» [1. с. 13].

Старая славянская пословица гласит: «Один в поле не воин». Это зримо подтвердилось историческими фактами, когда на ратном поле белорусы плечом к плечу вместе с представителями других народов и национальностей защищали свое Отечество. Восточная мудрость говорит по-другому: «Одной рукой в ладоши не похлопаешь». И